

ГОРЯЧИЙ СТАМБУЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПЕПЕЛ И СТРАСТЬ

18+

Анастасия Дениз

Горячий Стамбул. Пепел и страсть

«Автор»

2026

Дениз А.

Горячий Стамбул. Пепел и страсть / А. Дениз — «Автор», 2026

Он — тьма Стамбула. Она — свет Петербурга. Её проект разрушен до основания. Но есть тот, кто придёт сквозь огонь и дождь, чтобы вытащить её из искореженного авто. Есть мужчина, который скажет: «Я знал, что ты его не хочешь». Есть любовь, ради которой можно сжечь всё. — Как долго ты меня хотел? — спросила она, глядя в его глаза, которые горели адским огнём. — С первой минуты, как увидел тебя в Петербурге, — ответил он, входя в неё глубоко, не оставляя ни миллиметра сомнений. — Ты сломаешь меня. Ты уже сломала. Смогут ли они построить свой дом на пепле прошлого?

© Дениз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анастасия Дениз

Горячий Стамбул. Пепел и страсть

Глава

Горячий Стамбул.

Пепел и страсть

©Дениз.А.А., 2026

Глава 1.

Тот, кто задаёт вопросы

Зал «Архитектурного форума инноваций» в Санкт-Петербурге гудел, как хорошо настроенный оркестр. Тысяча двести мест — и все заняты. Архитекторы из семидесяти стран. Британцы в идеальных костюмах, японцы с блокнотами, бразильцы, которые даже в зале заседаний умудрялись жестикулировать так, будто танцуют самбу. Алиса сидела в третьем ряду. Не в первом — там места для «почётных гостей». Не в последнем — там прячутся неудачники. Третий ряд был для тех, кто пришёл работать. На сцене выступал испанец. Эмилио Рамос. Знаменитость. Проектировал мост в Севилье, который потом ругали в каждом втором архитектурном журнале. Но он умел говорить. Громко, страстно, с таким напором, что у половины зала отключалось критическое мышление.

— ...и поэтому я предлагаю внедрить динамическую нагрузку с переменным коэффициентом сопротивления во все общественные пространства! — Рамос ударил ладонью по трибуне. — Это будущее! Это прорыв!

Зал захлопал. С энтузиазмом. Алиса не хлопала. Она ждала.

Ведущий — любезный мужчина с микрофоном и вечной улыбкой — оглядел зал:

— Коллеги, есть вопросы к докладчику?

Несколько рук поднялись. В основном обычные: «а как согласовать с нормами», «а где взять бюджет», «а можно поподробнее про коэффициент». Алиса подняла руку последней. Спокойно. Без надрыва.

— Девушка в третьем ряду, — кивнул ведущий. — Представьтесь, пожалуйста.

Она встала. Не торопясь. Поправила воротник белой блузки и посмотрела прямо на Рамоса. Тот уже надел маску снисходительности — мол, сейчас какая-то девочка спросит про цвета или красивые фасады.

— Алиса Ветрова, архитектор, Санкт-Петербург. — Голос ровный, громкий, без дрожи. — Уважаемый Эмилио, я внимательно слушала ваш доклад. И я не согласна с ключевым тезисом.

В зале стало тихо. Даже японцы подняли головы от блокнотов.

— Простите? — Рамос изогнул бровь.

— Переменный коэффициент сопротивления, — продолжила Алиса, — экономически невыгоден для девяноста процентов компаний здесь присутствующих. Да, в теории он даёт прирост устойчивости на двенадцать процентов. Но ваш собственный пример с мостом в Севилье показывает, что реальная эксплуатация требует замены узлов каждые три года. Это убивает

бюджет малого и среднего бизнеса. Крупные корпорации могут себе это позволить. Остальные — нет.

Рамос открыл рот.

— Кроме того, — Алиса не дала ему перебить, — вы не учли климатический фактор. В регионах с перепадом температур выше двадцати градусов ваш коэффициент превращается в проблему. Мост в Севилье — это плюс пятнадцать круглый год. А как насчёт Норильска? Или Якутска? Я посмотрела ваши расчёты — там нет ни одной ссылки на исследования в холодном климате.

Тишина стала густой. Кто-то в пятом ряду тихо присвистнул. Рамос побледнел. Его адвокатский задор испарился. Он что-то забормотал про «дополнительные изыскания» и «справедливую критику».

Но ведущий уже перехватил инициативу:

— Алиса Ветрова... — он заглянул в планшет. — Та самая Алиса Ветрова? Автор книги «Архитектура без компромиссов. Как строить дёшево и надёжно»?

— Да, — сказала она просто. — Это моя книга.

Зал зашумел.

— Она переведена на двадцать три языка, — добавил ведущий с новым, уважительным оттенком в голосе. — Её используют в учебных программах МАРХИ и Политеха в Милане. Вы, коллеги, наверное, понимаете, почему я уточняю.

Алиса не улыбнулась. Не опустила глаза. Стояла с прямой спиной и невозмутимым лицом, хотя внутри всё трепетало. Она не любила эту часть. Когда говорили про книгу. Про ожидания. Про то, что ей всего двадцать семь, а уже... Но это была её работа. Её жизнь. Семья у неё вся — строители и архитекторы. Мама проектировала школы. Папа — мосты. Дед вообще в своё время признавался «Архитектором года» в Ленинграде. Алиса с пяти лет чертила на миллиметровке вместе с ним. В десять — спорила с учителями о свойствах железобетона. В шестнадцать — написала первую статью в профессиональный журнал. Книгу она закончила в двадцать четыре. В двадцать пять её перевели на английский. В двадцать шесть она стала самым цитируемым молодым архитектором в Восточной Европе. А сегодня она стояла перед тысячею двухсот человек и говорила правду в лицо испанской звезде. Потому что правда — это единственное, что у неё было.

— Благодарю за вопрос, — выдал наконец Рамос. — Мы... попробуем доработать модель с учётом климатических зон.

Алиса села. Зал заплодировал. Сдержанно, но искренне. Она не оглядывалась. Не искала одобрения. А зря. Потому что в четвёртом ряду, через два кресла от неё, сидел мужчина, который с первой минуты её выступления перестал дышать. Махмуд Дениз прилетел из Стамбула за два дня до форума. Тридцать пять лет. Своя архитектурная мастерская. Десять построенных объектов. Контракт с правительством на реконструкцию исторического квартала. К нему привыкли относиться как к гранду. Уважительно, с лёгким налётом опаски. «Турецкий тигр», — шептали за спиной. Он приехал в Петербург не ради славы. Ему реально было нужно. Новые технологии, контакты, свежий воздух из мира, где не правят бал его родные кланы и семейные дразги. Первый день форума он отсидел с вежливой скукой. Выступления были хорошими, но предсказуемыми. «Ещё один доклад про устойчивое развитие. Ещё один про «зелёные» технологии. Ещё один про то, как мы все умрём, если не будем любить природу». А потом встала она. Махмуд не заметил её сразу. Девушка в третьем ряду, обычная блузка, тёмные волосы собраны в узел. Ничего особенного. Но когда она открыла рот... Он подался вперёд. Она не спрашивала. Она утверждала. Чётко, по делу, с цифрами. И смотрела на Рамоса так, будто тот был её студентом, а не мэтром с мировым именем. Махмуд даже не заметил, как перестал вертеть в руках ручку. «Кто это?» — пронеслось в голове. А потом ведущий сказал про книгу. «Архитектура без компромиссов». Махмуд слышал это название. Ему рекомендовали. Но он

отмахнулся — «очередной учебник». Оказалось — нет. Он смотрел на её профиль: прямая линия носа, спокойно сжатые губы, никакого кокетства, никакой игры. Только дело. Вечером, в гостиничном номере отеля «Астория», Махмуд открыл ноутбук. Нашёл книгу Алисы Ветровой. Купил. Скачал. И не смог оторваться. Он читал всю ночь. Она писала жёстко. С цифрами. С примерами. Без воды. Но при этом — живо, даже поэтично. Про бетон и сталь — как про любовь. Про бюджет и сроки — как про искусство. Она разрушала мифы, в которые сам Махмуд верил десять лет. В три часа ночи он сделал пометку на полях: «Перевести на турецкий и дать всем своим прорабам». В четыре он закрыл ноутбук и долго смотрел в потолок.

«Алиса Ветрова. С кем ты спишь? Во что ты веришь? И почему я не встретил тебя десять лет назад?»

Он заснул под утро. И во сне видел её: белая блузка, прямой взгляд, голос, от которого по коже шли мурашки. Второй день форума был менее напряжённым. Круглые столы, мастер-классы, кофе-брейки, где люди обменивались визитками и делали вид, что им интересно. Алиса стояла у стойки с минералкой и листала телефон. Ответила на три рабочих письма, отписалась от четырёх спам-рассылок, посмотрела, который час.

— Простите.

Она подняла глаза. Перед ней стоял мужчина. Высокий. Тёмный костюм, открытая рубашка, лёгкая небритость. Глаза — тёплые, карие, с искрой. И в руках — её книга. Печатная версия. С закладкой.

— Махмуд Дениз, — представился он. — Стамбул. Я вчера слушал ваш... — он запнулся на секунду, — я бы не назвал это вопросом. Это была лекция в одной минуте.

Алиса невольно улыбнулась.

— Спасибо. Обычно меня за такое не любят.

— Значит, вас окружают дураки. — Он поднял книгу. — Я читал всю ночь. Вы не представляете, как я зол, что не написал это сам.

Она взяла паузу. Посмотрела на него. Серьёзно, изучающе. Многие так начинали — с комплиментов книге, а заканчивали просьбой «посмотреть проект за бесплатно». Но в его глазах не было лжи.

— Вы архитектор? — спросила она.

— Был. Теперь больше продвигаю. Но я знаю своё дело. — Он протянул визитку. Тёмная, с тиснением. «MDF Architectural Bureau. Mahmut Deniz».

«Турецкий тигр», — прочитала Алиса вслух и усмехнулась. — Мне нравится. У нас в Петербурге тоже есть тигры. Только они обычно пьют водку и спорят о фасадах. Махмуд рассмеялся. Громко, открыто.

— Вы всегда такая прямая?

— Всегда. Если не нравится — не спрашивайте.

— Мне нравится. — Он убрал улыбку. Стал серьёзным. — Послушайте, Алиса. Через месяц у нас в Стамбуле конференция «Архитектура Востока и Запада». Я один из организаторов. Уровень — не ниже этого форума. Я хочу, чтобы вы выступили как спикер. Своя панель, гонорар, билеты, отель. За наш счёт, разумеется, ничего платить не надо. Что скажете?

Алиса задумалась.

— Тема? О чём выступать?

— О чём хотите. О бетоне. О климате. О том, почему испанцы не умеют строить мосты. — Он снова улыбнулся. — Я серьёзно. Вы тот голос, которого не хватает нашему сообществу. Смелый. Свежий. Женский, чёрт возьми, что тоже важно.

Она смотрела на него десять секунд. Или двадцать. Внутри что-то щёлкнуло. Не страсть — интерес. Профессиональный, глубокий интерес.

— Дайте мне подумать два дня, — сказала она.

— Хорошо. — Он кивнул. — Но я всё равно буду считать, что вы согласны.
Он отошёл к кофейной стойке. Алиса смотрела ему вслед. Красивый. Умный. Настоящий.

«Не смей, — сказала она себе. — Ты приехала работать, а не крутить романы».

«Стамбул...»

Она взяла визитку и спрятала в карман пиджака.

Глава 2.

Билет в один конец

Прошло три дня после форума, а Петербург никак не отпускал. За окном квартиры на Крестовском острове моросил дождь — тот самый, ленинградский, который идёт будто не с неба, а из самой души города. Алиса сидела на кухне с чашкой зелёного чая и смотрела на ноутбук. Открытое письмо от Махмуда Дениза висело на экране уже двадцать минут.

«Уважаемая Алиса, программа конференции прилагается. Жду подтверждения. С уважением, Махмуд»

Коротко. По делу. Без смайликов и восклицательных знаков.

— Ты чего зависла? — Света вплыла на кухню в длинном халате, с полотенцем на голове. Даже без макияжа, с капельками воды на ресницах, она выглядела как обложка глянца — высокая, тонкая, скуластая. Профессия модель обязывала.

— Думаю, — ответила Алиса.

— Я вижу. — Света села напротив, вытянула длинные ноги. — Письмо от того турка?

— Не «того турка», а коллеги по цеху. Организатора конференции.

— Ага. Коллеги. Который глаз с тебя не сводил весь второй день форума. Я видела, фотки, Алиска. Я, может, в архитектуре не разбираюсь, но на мужские взгляды натренирована как собака.

Алиса усмехнулась и отхлебнула чай.

— Свет, ну сколько можно. Каждый раз, когда мужчина обращается ко мне по работе, ты видишь подвох.

— Потому что я знаю жизнь. — Света откинулась на спинку стула. — Ты красивая, умная, успешная. Таких не приглашают просто так. Всегда есть «но».

— Не у всех.

— У всех, солнце. Просто ты привыкла смотреть на мир через призмы и масштабы, а я — через мужские хотелки. — Она помолчала. — Но знаешь что? Поезжай.

Алиса подняла бровь.

— Правда? Ты же только что...

— Я говорю «поезжай», потому что ты этого хочешь. — Света вдруг стала серьёзной. — Ты сидишь тут уже три дня и переливаешь из пустого в порожнее. Если бы не хотела — давно бы отказала. А ты ищешь повод согласиться.

Алиса хотела возразить, но не нашла слов. Света знала её слишком хорошо. Двадцать два года дружбы — с тех пор, как в песочнице поделились куклой.

— Помнишь, — сказала Света тихо, — как мы в детстве лежали на крыше твоего дома в Комарове? Смотрели на самолёты, которые летели в Пулково. Ты говорила: «Вот бы полететь на одном из них далеко-далеко. В Турцию. В Египет. В любую жопу мира, лишь бы подальше отсюда».

— Я была ребёнком, — возразила Алиса.

— Ты и сейчас ребёнок. Просто спрятала ребёнка под костюмом и книгой. — Света взяла её за руку. — Алис, ну сколько можно бояться? Ты уже полмира объехала с лекциями. Но

каждый раз — как на каторгу. А тут — Стамбул. Мечта. Ты же сама говорила, что хочешь увидеть мечети, базары, Босфор.

— Я еду работать.

— И прекрасно. Работай. А вечером выпей вина с видом на пролив. И позволь себе просто... быть. Не архитектором Ветровой. Не автором бестселлера. А девушкой, которая смотрит на чужой город и улыбается.

Алиса вздохнула. Посмотрела на ноутбук. Потом на подругу.

— Ты бы полетела со мной, — сказала она тихо.

Света засмеялась, но в глазах блеснула тоска.

— Я бы — да. Но у меня через три дня съёмка в Милане. Контракт. Потом Париж. Потом ещё куда-то. Я, может, больше тебя по миру мотаюсь, но всегда по журналам и подиумам. Не вижу ничего, кроме вспышек и визажистов.

— А ты хочешь?

— Хочу. — Света вдруг сжала её руку сильнее. — Хочу однажды взять рюкзак, сесть в самолёт и полететь туда, где меня никто не знает. Где не ждут, не фоткают, не оценивают — похудела или поправилась. Просто исчезнуть на две недели.

— Так исчезни.

— Не могу. Контракты, солнце. У нас у каждой своя клетка. У тебя — бетонная, у меня — глянцевая. Но суть одна. — Она встала. — Поэтому лети за нас двоих. Увидишь Стамбул — напиши мне каждую мелочь. Запахи, звуки, цвет неба. Хорошо?

Алиса кивнула. Через час она отправила Махмуду письмо: *«Я согласна. Высылайте детали. Алиса»*

И только тогда заметила, что внутри — ни трепета, ни эйфории. Только спокойная уверенность профессионала, который делает следующий шаг в карьере. Она давно научилась не путать внимание с симпатией. За годы, что она выступала на форумах и публиковала статьи, к ней подкатывали десятки. Кому-то нужен был секс со «звездой». Кому-то — связи через неё. Кому-то — просто самоутверждение за счёт умной женщины. Алиса научилась отсеивать это не глядя. Вежливо. Холодно. Так, чтобы у спрашивающего не оставалось иллюзий.

«Махмуд Дениз», — подумала она, — «скорее всего, такой же. Пригласил, потому что я — актив. Потому что моё имя привлечёт публику.»

Эта мысль не обижала. Она была рабочей. Алиса закрыла ноутбук и пошла собирать чемодан.

Спустя месяц, доведя до ума дела в Питере, она вылетела из аэропорта. Стамбул обрушился на неё как удар. Из кондиционированного нутра аэропорта имени Сабиhi Гёкчен она шагнула в июльский ад — +38, влажность под 80%, ветер с Мраморного моря, пахнувший водорослями и жареными каштанами. Шофёр ждал с табличкой. Чёрный Mercedes, внутри — прохлада и тишина. Алиса села на заднее сиденье, прислонилась головой к стеклу и смотрела, как город плывёт мимо. Бетонные эстакады, рекламные щиты на турецком, мечети, снующие такси, женщины в платках и одновременно в джинсах, мужчины с чётками в руках. В отеле её встретили как дорогую гостью. Портье знала имя. Номер — с видом на Босфор. На столе — корзина фруктов и записка от руки:

«Добро пожаловать в Стамбул. В 10:00 трансфер в конференц-центр. Вечером жду на ужин на крыше. Махмуд»

Алиса положила записку на тумбочку. Разобрала чемодан. Приняла душ. Спать не хотелось. Город шумел. Снизу, с Босфора, тянуло прохладой. Где-то вдалеке пел муэдзин — протяжно, печально, красиво. «Надо бы запомнить этот момент», — подумала Алиса. — «Светка будет спрашивать». Она достала телефон и отправила подруге одно предложение: *«Я в Стамбуле. Он прекрасен. Целую»*.

Ответ пришёл через минуту: *«Покажи море! И не смей влюбляться в первого встречного!»*

Алиса усмехнулась и убрала телефон. «Не влюблюсь, — подумала она. — Я не из тех».

Конференция открылась в десять утра в огромном зале «Стамбул Конгресс Центр». Алиса сидела в первом ряду. Не потому, что хотела внимания — просто так было лучше видно презентации. Вокруг суетились переводчики, мелькали бейджи с флажками разных стран. Она выступила в полдень. Сорок пять минут, слайды, цифры, споры. Зал слушал внимательно. После выступления — вопросы. Острые. Профессиональные. Без скидки на пол и возраст. Алиса отвечала спокойно, чётко, не повышая голоса. Ей не нужно было никому ничего доказывать. Её книга говорила за неё, как и ее работы. Махмуд подошёл только после четвёртой лекции, когда она пила кофе в фойе.

— Блестяще, — сказал он. — Вы даже лучше, чем в Петербурге.

— Спасибо. — Она кивнула. — Ваша организация на высоте.

— Вы сказали дежурный комплимент или искренне?

— Искренне. Я не трачу время на дежурные вещи.

Он улыбнулся. И в этой улыбке не было ничего, кроме дружелюбия. Ни нажима, ни заигрывания.

— Сегодня вечером ужин для ключевых спикеров. Приходите. Будет неформально.

— Я подумаю.

— Не подумайте. Приходите. — Он поднял руку в жесте «без обид» и отошёл к следующему спикеру.

Алиса смотрела ему вслед. Высокий. Подтянутый. Ни кольца на пальце. «Не важно», — сказала она себе.

К восьми вечера она спустилась в ресторан на крыше. Отель тонул в сумерках. Босфор горел огнями. С Европейской стороны на Азиатскую тянулись гирлянды мостов. За длинным столом сидело человек двенадцать. Американка из Нью-Йорка, японец с блокнотом, пара итальянцев, которые говорили одновременно и громко. Махмуд сидел во главе стола. Увидев Алису, встал, отодвинул стул рядом с собой.

— Садитесь здесь.

Она села. Разговор шёл о политике, о деньгах, о новых нормах. Алиса слушала больше, чем говорила. Иногда вставляла реплику — короткую, меткую. Обращали внимание. Итальянец спросил про её книгу. Американка — про климат в России. Махмуд слушал её ответы с непроницаемым лицом. Но Алиса уловила — он ждал каждого её слова. После ужина гости разошлись. Алиса задержалась на террасе — смотреть на огни.

— Вы сегодня мало ели, — сказал Махмуд, подходя сзади.

— Волновалась перед выступлением. Теперь не могу.

— Я тоже плохо сплю после удачных докладов. Адреналин.

Он встал рядом. Не близко. На расстоянии вытянутой руки.

— Спасибо, что пригласили, — сказала Алиса. — Это был хороший день.

— Хороший? — Он повернулся к ней. — Алиса, вы сегодня заставили замолчать трёх маститых академиков. Вы уничтожили их тезисы так вежливо, что они сами этого не поняли. Это не «хороший» день. Это день, который запомнят.

— Вы переоцениваете.

— Я никогда ничего не переоцениваю. Это дорого стоит.

— Хорошо. — Она кивнула. — Спасибо за приглашение, мне приятно и информативно было получить его от коллеги из-за рубежа.

— Рад, что вам понравилось — произнеся эту реплику с менее приветливой интонацией, Махмуд отвернулся к виду ночного города.

Они стояли на террасе ещё десять минут. Молча. Смотрели на Босфор. А потом Алиса сказала:

— Пойду спать. Завтра трудный день.

— Да. — Он чуть склонил голову. — Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи.

Она пошла к лифту. Не оглядываясь. Она не спала до двух ночи. Ворочалась. Вставала пить воду. Смотрела в окно на Босфор, который не гас ни на минуту. Около часа ночи Алиса оделась и вышла из отеля. Портье удивлённо поднял бровь, но ничего не сказал. Город спал. Только редкие машины проносились по набережной. Алиса пошла в сторону Султанахмета. Сама не знала зачем. Просто хотелось ходить. Дышать. Смотреть. Она свернула в переулок, где не было фонарей. Только луна и тени. И в этот момент — удар. Нет, не удар. Толчок. Чёрный внедорожник, вылетевший из-за угла, затормозил в сантиметре от её бёдер. Алиса отшатнулась, прижалась спиной к холодной стене. Двигатель взревел и заглох.

Из машины вышел мужчина. Высокий. Широкоплечий. В тёмном поло и брюках. Лицо в полумраке — резкие скулы, карие глаза, лёгкая щетина, которая не старила, а придавала лицу законченность. Лет пятьдесят пять? Сорок восемь? Трудно сказать. Возраст прятался где-то в осанке и взгляде.

— Вы в порядке? — спросил он. Голос низкий, спокойный. Ни тени паники.

— Да, — ответила Алиса ровно. Сердце колотилось, но голос не дрожал. — Я не посмотрела по сторонам.

— Вы правы. — Он не стал извиняться. Просто посмотрел на неё. Долго. Изучающе. — Поздний час для прогулок. Особенно в этом районе.

— Я не сплю.

— Понимаю. — Он сделал шаг назад, давая ей пространство. — Вас подвезти?

— Нет, спасибо. Я дойду.

— Как хотите.

Он не настаивал. Не спрашивал имя. Не протягивал визитку. Просто развернулся, сел в машину и уехал. Алиса стояла у стены ещё минуту. Потом медленно выдохнула и пошла обратно в отель.

«Вот тебя и встретила Турция, Алис. Покрестила даже» — подумала Алиса про себя. Но почему-то внутри поселилось странное, тревожное тепло.

Глава 3.

Деловое предложение

Утро второго дня конференции началось не с будильника, а с солнечного луча, который пробился сквозь неплотно задёрнутую штору и ударил Алисе прямо в лицо. Она открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Высокие потолки, лёгкие занавески, запах дерева и моря. Потом память вернулась — Стамбул, отель на Босфоре, конференция. И ночная прогулка. Алиса села на кровати, потянулась и посмотрела на телефон. Половина восьмого. До начала лекций ещё два часа. Она откинулась на подушку и закрыла глаза. Перед внутренним взором снова возникла сцена в тёмном переулке: чёрный внедорожник, резкий тормоз, а потом — мужчина. Высокий. Широкоплечий. Спокойный голос.

«Вот тебя и встретила Турция, Алис. Покрестила даже». Алиса усмехнулась своим мыслям.

«Тыфу ты, — подумала она. — Привязалась какая-то ерунда. Просто случайный прохожий, который чуть не сбил дуру, гуляющую ночью по незнакомому городу. Всё».

Она встала, накинула халат и подошла к окну. Босфор сверкал на утреннем солнце. Маленькие суда сновали туда-сюда, чайки кружили над водой, где-то вдалеке надрывался муэдзин, созывая верующих на утренний намаз. «Красиво, — подумала Алиса. — Надо всё-таки написать Светке что-то душевное, а не просто «я в Стамбуле». Она достала телефон и набрала:

«Представь: я стою у окна, подо мной Босфор, чайки орут так, будто их режут, а муэдзин поёт так, что мурашки по коже. Город пахнет жасмином и жареной кукурузой. Я вчера чуть не попала под машину, но не переживай, всё обошлось. Потом расскажу. Как твои съёмки?»

Ответ пришёл через две минуты:

«Какая машина?! Ты чего творишь?! Напиши нормально, а то я позвоню в турецкое посольство! А съёмки отменили, продюсер заболела. Так что я в Питере, скушаю и ем тортик. Лети обратно скорее. Целую»

Алиса улыбнулась. Светка была единственным человеком, который умел превращать любую драму в анекдот, а любую скуку — в приключение. Она написала в ответ:

«Всё нормально, не дёргайся. Расскажу при встрече. Тортик не доедай, оставь мне».

Телефон пикинул снова: *«Не обещаю. Он с вишней».*

Алиса засмеялась и пошла в душ.

Ровно в десять утра она сидела в том же первом ряду, но уже с планшетом и ручкой. Сегодняшняя программа была насыщеннее вчерашней: три параллельные лекции, мастер-класс по параметрическому моделированию и круглый стол по устойчивому развитию. Алиса выбрала лекцию, где выступали скандинавы. Шведы и датчане всегда были на голову выше в вопросах экологичного строительства, и ей хотелось понять, что они придумали нового. Докладчик — худощавый блондин с идеальным английским — рассказывал о фасадах из переработанного пластика. Алиса слушала внимательно, делала пометки. На пятой минуте она нашла слабое место в расчётах и мысленно приготовила вопрос. Но решила не перебивать. Пусть сначала закончит.

Когда блондин сказал: «Я готов ответить на вопросы», — Алиса подняла руку.

— Да, коллега в третьем ряду.

— Алиса Ветрова, Санкт-Петербург. — Она встала. — Скажите, вы учитывали коэффициент износа пластика в условиях переменной влажности? Потому что из ваших слайдов следует, что вы брали средние показатели для сухого климата. А как насчёт прибрежных городов? Стамбул, Петербург, Венеция?

Блондин замялся.

— Э-э... мы... мы сейчас работаем над этим...

— Вы не учли солевую коррозию, — мягко добавила Алиса. — Морская соль разрушает пластик быстрее, чем обычная дождевая вода. Это удорожает эксплуатацию примерно на тридцать процентов. Я бы посоветовала добавить защитный слой или пересмотреть материал.

Зал зашумел. Блондин покраснел и что-то забормотал про благодарность за уточнение. Алиса села. Справа от неё сидел мужчина лет пятидесяти в дорогом костюме. Он наклонился и тихо сказал по-русски:

— Вы всегда такая бесстрашная?

— Я всегда подготовленная, — ответила Алиса, не поворачивая головы.

Мужчина усмехнулся и откинулся на спинку кресла. После лекции был кофе-брейк. Алиса наливала себе минералку, когда к ней подошёл Махмуд. Он был в сером костюме, при галстуке, выглядел так, будто только что с обложки делового журнала.

— Вы сегодня снова всех разнесли, — сказал он без улыбки. В его голосе не было ни восхищения, ни раздражения. Только констатация факта.

— Я задала вопрос, — ответила Алиса. — И указала на ошибку.

— И уронили репутацию шведа за тридцать секунд. — Он взял чашку кофе. — У вас есть время после обеда?

— Зависит от того, зачем.

— Хочу показать вам проект. — Он посмотрел на неё в упор. — Деловой разговор. Без ужинов и террас. Просто поговорим в переговорной.

Алиса на секунду задумалась.

— Хорошо. Во сколько?

— В три. Я пришлю за вами.

Он кивнул и отошёл. Алиса смотрела ему вслед. «Что за проект? — подумала она. — И почему он хочет показать именно мне?» Ответа не было. Но любопытство включилось на полную мощность.

В два часа пятьдесят пять минут она вышла из зала, где выступал очередной спикер, и направилась к лифтам. За ней пришёл молодой человек в синем пиджаке — помощник Махмуда.

— Господин Дениз ждёт вас на десятом этаже, — сказал он. — Прошу за мной.

Переговорная оказалась просторной комнатой с панорамными окнами. Посередине — длинный стол с мониторами, на стенах — схемы и чертежи. Махмуд сидел во главе стола. Рядом с ним — два незнакомых мужчины, оба в костюмах, оба с планшетами.

— Алиса, присаживайтесь. — Он указал на стул напротив. — Это мои партнёры по строительному холдингу, Мехмет и Ахмет. Не волнуйтесь, они не кусаются. Мужчины кивнули. Алиса кивнула в ответ.

— Я слушаю, — сказала она.

Махмуд развернул ноутбук так, чтобы ей было видно.

— Вы знаете исторический район Балат? Старые греческие и армянские кварталы у Золотого Рога?

— Знаю. Видела фотографии. Уникальные здания, но в ужасном состоянии.

— Верно. — Он открыл презентацию. — Город объявил тендер на реконструкцию. Не просто реставрацию, а комплексное обновление с сохранением идентичности. Жилые дома, мастерские, небольшие отели, общественные пространства.

Алиса смотрела на слайды. Красиво. Дорого. Но...

— И вы хотите участвовать?

— Я уже подал заявку. — Махмуд посмотрел на неё. — Но моей команде не хватает международного опыта. Нам нужен партнёр, который работал с аналогичными проектами в Европе. И вы — идеальный кандидат.

Алиса откинулась на спинку стула.

— С чего вы взяли?

— Я читал вашу книгу, Алиса. И не только. Я изучил все ваши проекты, включая реконструкцию Новой Голландии в Петербурге. Вы умеете сохранять историю, не превращая её в музей. Это редкость.

Она помолчала.

— У меня своя компания в Петербурге. — Сказала она спокойно. — «Ветрова Архитектс». Семь человек, двенадцать проектов за три года. Мы не работаем с подрядчиками, у которых нет опыта в исторической застройке.

— У нас есть опыт, — вмешался один из партнёров, Мехмет. — Мы реконструировали три квартала в Измире и два в Анкаре. Но там были турецкие дома, а Балат — это смесь культур. Византийские стены, османская деревянная архитектура, греческие фасады.

— Поэтому нам нужна вы, — добавил Махмуд. — Глаз со стороны. Свежий взгляд.

Алиса медленно кивнула. Внутри всё кипело — это был шанс. Реальный шанс выйти на международный уровень не просто как спикер, а как деловой партнёр. Но что-то её останавливало.

— Какие условия? — спросила она.

Махмуд открыл файл с цифрами.

— Вы входите в проект как соавтор концепции. Сорок процентов от прибыли. Оплата всех расходов на вашу команду — перелёты, проживание, переводчики. Юридически — совместное предприятие на время реконструкции.

— А если победит другой?

— Мы выиграем. — Он сказал это без тени сомнения. — У меня нужные связи. Но я хочу выиграть не благодаря связям, а благодаря качеству. Поэтому вы здесь.

Алиса взяла паузу.

— Мне нужно подумать. Посоветоваться с партнёрами.

— Конечно. — Махмуд закрыл ноутбук. — Но время не ждёт, Алиса. Заявки подаются через три недели. Первый эскиз нужно сделать за десять дней.

Она встала.

— Я поняла. Я дам ответ завтра.

— Я буду ждать.

Она вышла из переговорной, прошла по коридору, нажала кнопку лифта. Голова была переполнена цифрами, сроками, именами. «Совместный проект, — крутилось в голове. — Стамбул. Балат. Сорок процентов». Она зашла в лифт, двери закрылись. И только тогда Алиса позволила себе улыбнуться. «Светка упадёт, когда узнает».

Остаток дня прошёл как в тумане. Алиса сидела на секциях, вежливо хлопала, задавала ещё пару вопросов, но мысли были далеко. К восьми вечера она вернулась в отель, заказала ужин в номер, не было сил на ресторан и открыла ноутбук. Написала партнёрам в Петербург:

«Ребята, есть разговор. Завтра в 11 утра по московскому онлайн-созвон. Вопрос по совместному проекту в Стамбуле. Всем присутствовать обязательно. Алиса»

Потом позвонила Светке.

— Привет, ты не одна в номере? — спросила та настороженно.

— Нет, я одна. — Алиса села на кровать, поджав ноги. — Слушай, мне тут предложили проект. Огромный. Международный.

— Какой ещё проект? Ты же архитектор, а не шпионка.

— Исторический квартал реконструировать. Совместно с турецкой компанией. Сорок процентов от прибыли.

— Это сколько в деньгах?

— Много, Свет. Очень много.

В трубке повисла пауза.

— А тот турок, Махмуд, он там будет?

— Он — глава компании.

— Ага. — В голосе Светы появилась хитрая нотка. — Вот тебе и «коллега из-за рубежа».

— Свет, не начинай. Это работа.

— Я молчу-молчу. — Пауза. — Но если он попытается подписать с тобой не только договор, а ещё кое-что другое, ты мне сразу расскажешь. Договорились?

— Договорились, — вздохнула Алиса.

- И про машину не забудь рассказать. Я серьёзно.
- Обязательно. Всё, я спать. Завтра важный день.
- Спокойной ночи, солнце. Не теряй голову.

Алиса сбросила вызов, выключила свет и легла в кровать. В голове крутились обрывки: Балат, сроки, двадцать процентов, карие глаза Махмуда, его серьёзное лицо. И почему-то — снова тот мужчина из переулка. Она заснула под шум Босфора и крик чаек.

А в трёх кварталах от отеля, в старом особняке на холме, мужчина с карими глазами и лёгкой щетиной закрыл ноутбук с проектом реконструкции Балата.

— Махмуд, — сказал он в пустоту. — Ты даже не представляешь, кого привёз в наш город.

Он усмехнулся. Потянулся к бокалу с виски.

— Алиса Ветрова. Архитектор. Посмотрим, из какого ты бетона.

За окном шумел Стамбул.

Глава 4.

Согласие

Третий день конференции выдался сумбурным. Алиса проснулась в шесть утра, хотя будильник стоял на семь. Тело уже подстроилось под стамбульский ритм, но мозг отказывался верить, что она здесь уже третьи сутки. Она сразу полезла в телефон. Три сообщения от партнёров по «Ветрова Архитекс». Каждое — с вопросом про вчерашний созвон. Она назначила его на одиннадцать утра по московскому. Как раз после утренних секций.

Алиса написала Светке:

«Решаю судьбу проекта. Если не отвечаю — значит, в переговорах. Ты сегодня на съёмках?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Нет. Сизжу дома и листаю твои фото из Стамбула. Завидую белой завистью. А тот мужик, который чуть не сбил, больше не появлялся?»

Алиса усмехнулась. *«Не появлялся. И вообще, я его почти забыла»*. Она соврала. Не сильно, но соврала.

В половине десятого Алиса уже сидела в зале на первой лекции. Докладчик из ОАЭ рассказывал про умные города в пустыне. Скучно, но полезно. На втором кофе-брейке она вышла во внутренний двор конференц-центра — там было тише и пахло жасмином. Достала ноутбук, зашла в Zoom. На экране загрузились четыре лица: Олег, Катя, Саша и Женя. Её команда. Те, кто верил в неё с первого дня.

— Привет, питерцы, — сказала Алиса. — Я кратко. Мне поступило предложение от турецкой компании «MDF Architectural Bureau». Совместная реконструкция исторического квартала Балат. Сорок процентов от прибыли. Все расходы на нас — их. Первый эскиз через десять дней.

Наступила тишина. Потом Олег, главный инженер, спросил:

— А они не кинут? Турки — ребята хитрые.

— Я проверю договор с юристом прежде, чем подписывать. Но у них репутация. Три реконструкции в Измире, две в Анкаре.

— А кто главный? — спросила Катя, их дизайнер интерьеров.

— Махмуд Дениз. Тот, кто меня пригласил.

Катя округлила глаза.

— Ого. А он...

— Он профессионал, — перебила Алиса. — Чистая работа.

— Ну-ну, — хмыкнул Саша, самый младший в команде. — Мы тебе верим.

— Слушайте, — сказала Алиса твёрдо. — Я спрашиваю вас как партнёров. Если мы берёмся, то все. Или отказываемся. Что скажете?

Олег почесал затылок.

— Когда начинать?

— Вчера.

— Тогда чего мы сидим? — Он развёл руками. — Давай. Но с юристом — обязательно. Катя кивнула. Саша и Женя тоже.

— Единогласно, — сказала Алиса. — Тогда я через час говорю «да». Всем спасибо, работаем.

Она выключила Zoom, закрыла ноутбук и выдохнула.

«Ну вот, Ветрова, — подумала она. — Ты в деле».

Махмуд ждал её в той же переговорной, но без партнёров.

— Вы один? — спросила Алиса, закрывая за собой дверь.

— Решил, что вам будет спокойнее. — Он указал на стул. — Садитесь. Я вижу, вы пришли с ответом?

Алиса села. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Да. Мы согласны на совместный проект при трёх условиях.

Махмуд слегка приподнял бровь.

— Слушаю.

— Первое: договор на русском и турецком с нотариальным заверением. Второе: мой юрист проверяет все финансовые документы до подписания. Третье: в команду я беру своих людей, вы не вмешиваетесь в подбор.

Махмуд молчал несколько секунд. Потом улыбнулся. Не широко, а как-то по-деловому — уголками губ.

— Вы жёсткий переговорщик, Алиса.

— Осторожный. Разница есть.

— Есть. — Он кивнул. — Я согласен на все три условия. Более того — я сам настаивал бы на нотариусе. У нас, знаете, тоже бывают нечестные партнёры.

Алиса внутренне выдохнула.

— Тогда... — она протянула руку, — договорились.

Махмуд пожал её. Твёрдо, но без лишнего давления.

— Договорились. Теперь — к делу. Конференция заканчивается завтра в обед. Я хочу, чтобы вы остались в Стамбуле ещё на два дня. Посмотрим Балат вживую. Сфотографируете фасады, пройдётесь по улицам, почувствуете дух места.

Алиса задумалась.

— А билет?

— Я поменяю. — Он открыл ноутбук. — Вылет в воскресенье вечером. Устраивает?

— Устраивает.

— Отлично. — Он что-то набрал. — Завтра после закрытия конференции я за вами заеду. Покажу Балат на закате. Это красиво, поверьте.

— Я верю.

Она встала.

— Тогда до завтра, Махмуд.

— До завтра, Алиса.

Она вышла из переговорной и только в коридоре поняла, что не спросила про команду, про офис, про сотню других деталей.

«Ничего, — подумала она. — Будет время».

Конференция закрылась в час дня следующего дня. Фуршет, рукопожатия, обещания писать. Алиса раздала визитки, получила две дюжины чужих и наконец выдохнула. Всё. Рабочая часть позади. Махмуд ждал внизу. Чёрный джип, не тот, что был тогда в переулке, а другой — поменьше, городской.

— Садитесь, — сказал он, открывая дверь. — Поехали, пока солнце не село.

Балат оказался совсем не похож на туристические открытки. Узкие мостовые, крутые лестницы, разноцветные дома, которые лепились друг к другу, как гнёзда ласточек. Стены в трещинах, кое-где — современные граффити поверх старинной кладки. Кошка на подоконнике. Бабушка в платке, сидящая у входа.

— Здесь время застыло, — сказала Алиса, выходя из машины. — Как в музее под открытым небом.

— Не в музее, — поправил Махмуд. — В трущобах. Люди здесь живут без горячей воды и канализации. Поэтому город хочет реконструкции.

Они пошли по узкой улице. Махмуд показывал: вот здесь была греческая школа, тут — армянская аптека, там — еврейская пекарня.

— Удивительное место, — сказала Алиса, фотографируя фасады. — Сколько культур смешалось.

— Поэтому нам и нужен свежий взгляд. Мы, турки, привыкли к этому. А вы увидите то, чего мы не замечаем. Она обернулась. Он стоял в двух шагах, смотрел на неё не как на женщину, а как на коллегу. Внимательно, оценивающе.

— Вы мне льстите, Махмуд.

— Нет. Я констатирую факт.

Они прошли ещё квартал, поднялись на холм, откуда открывался вид на Золотой Рог.

Солнце садилось. Вода горела оранжевым.

— Красиво, — прошептала Алиса.

— Да, — ответил Махмуд. — Но я хочу, чтобы здесь было не только красиво, но и удобно. Чтобы люди не стеснялись приглашать гостей. Чтобы дети играли на улицах, а старики не боялись выходить из дома.

Алиса посмотрела на него.

— Вы говорите как социальный работник, а не как архитектор.

— Архитектура — это и есть социальная работа. Просто с бетоном и чертежами.

Она улыбнулась.

— Это я напишу в своей следующей книге. С вашего позволения.

— Пишите. Я не против.

Они поужинали в маленьком ресторане на набережной — без пафоса, без гостей. Только вдвоём, только разговор о проекте. Махмуд рассказывал про бюрократические сложности, Алиса — про свой опыт в Петербурге. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что ей с ним легко. Не как с женщиной, а как с другом.

«Другом, — мысленно повторила она. — И хорошо. Не надо всё усложнять».

Вернулась в отель около одиннадцати. Ноги гудели. Голова была полна образов: узкие улочки, облупившаяся краска, весёлые дети, которые бегали прямо по мостовой. Она приняла душ, накинула халат и вышла на балкон. Город шумел. Где-то играла музыка, кто-то смеялся, где-то собака лаяла на луну. Алиса смотрела на Босфор и думала о своём. О Светке, о компании, о Махмуде, о проекте. Потом взгляд упал вниз, на набережную. Там, у самой воды, стоял мужчина. Высокий. Широкоплечий. В тёмном пальто, несмотря на жару. Он не смотрел на неё. Смотрел на воду. Стоял неподвижно, как памятник самому себе. Алиса узнала его. Тот самый. Из переулка. Сердце необъяснимо пропустило удар. «Нет, — сказала она себе. —

Совпадение. Просто совпадение. Город большой, людей много». Но мужчина вдруг повернул голову. Посмотрел прямо на её балкон. На неё. Алиса замерла. Он не улыбнулся. Не помахал. Просто смотрел — несколько долгих секунд. Потом развернулся и ушёл в темноту. Она стояла, прижимая ладонь к груди, где колотилось сердце.

«Вот тебя и встретила Турция, Алис. Покрестила даже».

Тогда это было смешно. Сейчас — не очень. Алиса вернулась в номер, плотно задернула шторы и долго не могла заснуть.

«Кто он? — думала она. — Зачем смотрел? Как понял, куда смотреть? И почему я не могу выбросить его из головы?»

Ответов не было. Было только тепло где-то под рёбрами — тревожное, запретное, нелогичное.

Глава 5.

Наблюдение

Ночь прошла беспокойно. Алиса ворочалась, скидывала одеяло, натягивала обратно. В голове крутились обрывки: узкая улочка, чёрный внедорожник, а потом — балкон, набережная, и тот взгляд снизу вверх. Спокойный. Тяжёлый.

«Хватит, — сказала она себе под утро. — Просто совпадение». Она закрыла глаза и заставила себя думать о другом. О проекте. О Балате. О сроках. Махмуд в эти мысли не лез. Он был партнёром, не больше. Проснулась она почти в десять. Телефон мигал сообщениями. Первое — от Светки:

«Как там мой любимый архитектор? Уже влюбилась в турка?»

Алиса усмехнулась и ответила:

«Работаю. Ни в кого. У тебя как?»

Через минуту пришло:

«Сырники ем. Ты береги себя. И не расслабляйся»

Второе сообщение — от Махмуда.

«Доброе утро. Сегодня без конференции. Предлагаю обсудить проект за обедом. В час. Я зайду в отель. Можно неформально»

Алиса прочитала два раза.

«Обсудить проект», — мысленно повторила она. — «Хорошо. Рабочая встреча».

Она набрала:

«Хорошо.»

В час дня Алиса спустилась в холл. На ней были льняные брюки, белая блузка, плоские сандалии. Волосы собраны в низкий хвост. Никакого макияжа, кроме гигиенической помады. Махмуд уже ждал. В брюках и поло. Выглядел так же, как на конференции, но без пиджака.

— Добрый день, — сказал он. — Машина ждёт.

— Добрый.

Он открыл дверь. Она села.

Ресторан оказался на вершине холма, откуда открывался вид на весь Босфор. Столик на двоих в тени оливкового дерева. Белая скатерть.

— Вы любите рыбу? — спросил Махмуд, когда они сели.

— Люблю.

— Тогда я закажу.

Он сказал официанту по-турецки несколько фраз. Быстро, негромко. Она взяла меню, сделала вид, что изучает.

— Вы говорите как местный, — заметила она, откладывая меню.

— Я и есть местный. — Махмуд разлил воду. — Родился здесь. Никогда не хотел уезжать надолго.

Он задавал вопросы о проекте. О её команде. О сроках. Алиса отвечала. Чётко. По делу.

— Вы всегда такая собранная? — спросил он в какой-то момент.

— Всегда. Это работа.

Он кивнул. Не стал развивать тему. Принесли еду. Рыба, овощи, вино. Махмуд рассказывал о Балате. О проблемах с коммуникациями. О старых домах, которые могут рухнуть в любую минуту. Алиса слушала. Иногда задавала вопросы. Иногда делала пометки в телефоне. Она заметила, что он смотрит на неё чуть дольше, чем требует разговор. Но ничего не сказала. И не подала виду. К концу обеда он спросил:

— Вы всегда такая закрытая?

Она подняла бровь.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы говорите только о работе. О себе — ни слова.

— Потому что мы на работе, — ответила она. — Я здесь по приглашению как спикер и теперь как партнёр.

Махмуд помолчал.

— Хорошо. — Он отставил бокал. — Тогда продолжим завтра. Я хочу показать вам северную часть Балата. Там сложнее с рельефом.

— Договорились. Во сколько?

— В десять утра. Я заеду.

Он расплатился. Они вышли из ресторана. Подходя к машине Махмуд открыл дверь. Алиса села. Ни одного лишнего слова.

Вечером Алиса сидела на балконе с чашкой зелёного чая. Стамбул шумел. Где-то играла музыка, где-то кричали дети. Она прокручивала в голове обед. Его взгляды. Вопросы. «Осторожнее, Ветрова, — подумала она. — Он явно хочет большего. Но ты здесь не для этого». Она допила чай и вернулась в номер. Перед сном выглянула в окно. Набережная была пуста. Она закрыла шторы.

Никаких мыслей. Никакого тревожного тепла. Только работа. Только проект. Только следующий день.

Глава 6.

Маленькие шаги

Утро началось с того, что Алиса спустилась на завтрак в отельный ресторан. Было ещё рано, половина девятого. Зал почти пуст — только пожилая пара за дальним столиком и двое мужчин в деловых костюмах у окна. Она взяла разнос, прошла к шведскому столу. Налила кофе. Положила на тарелку омлет и несколько кусочков сыра. За её спиной два официанта переговаривались по-турецки.

— Русская из триста пятого номера? — спросил один, молодой, с чёрными усами.

— Да, — ответил второй, постарше. — Архитектор. Говорят, важная.

— Красивая. И не улыбается никому.

— Потому что умная и русская. Такие не улыбаются просто так.

Алиса не обернулась. Не изменилась в лице. Спокойно положила на разнос вилку и нож, взяла стакан с водой и направилась к столику у окна.

«Ничего личного, — подумала она. — Просто работа». Она села, отпила кофе и достала телефон. Написала партнёрам в Петербург короткое: *«Всё в порядке. Сегодня смотрю второй участок. Фото пришлю вечером»*. Официант с усами подошёл к её столику.

— Вам что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, — ответила Алиса по-английски.

Он кивнул и отошёл. Она доела завтрак спокойно, никуда не торопясь. Встала из-за стола ровно в девять тридцать. В холле уже ждал Махмуд. Сегодня он был в тёмно-синих брюках и белой рубашке с коротким рукавом. Без пиджака. Без галстука.

— Вы вовремя, — сказал он.

Он открыл дверь машины. Она села. Поехали. Северная часть Балата оказалась ещё более запущенной, чем та, что они смотрели вчера. Узкие улицы, крутые лестницы, дома, которые держались буквально на честном слове. Кое-где стены подпирали деревянными балками — видимо, временными, но стоявшими тут годами.

— Здесь сложнее всего, — сказал Махмуд, когда они вышли из машины. — Рельеф перепад в тридцать метров. Подвести коммуникации — проблема. Сохранить фасады — ещё большая проблема.

Алиса огляделась. Достала телефон, начала фотографировать.

— Вон тот дом, с красной черепицей, — сказала она, показывая. — Он держится на старых балках. Если начнём копать рядом, может рухнуть.

— Знаю. Поэтому я и хочу, чтобы вы посмотрели.

Они пошли вверх по лестнице. Махмуд шёл чуть впереди, иногда оборачивался.

— Осторожнее, здесь ступенька сломана.

— Вижу.

Она перешагнула. Он ждал, пока она поравняется с ним.

— Вы всегда такая самостоятельная? — спросил он.

— Всегда. — Ответила Алиса, устав от его «всегда».

— Не устаёте?

— Это вопрос философский. — Алиса сделала ещё несколько кадров. — Лучше скажите, вот этот угол — он входит в зону реконструкции?

Махмуд посмотрел, куда она показывала.

— Да. Здесь планируется небольшой сквер. Детская площадка. Скамейки.

— Деревья будут?

— Какие предпочтёте?

— Платаны. Они дают тень. И растут быстро.

Он кивнул. Сделал пометку в телефоне.

К обеду они обошли почти весь участок. Алиса нафотографировала больше сотни кадров. Махмуд предложил перекусить в маленьком кафе на набережной.

— Не ресторан, — предупредил он. — Просто лавка. Но рыба там свежая.

— Мне нравится, — ответила Алиса.

Они сели за пластиковый столик на улице. Официант — мальчик лет пятнадцати — принёс меню.

Махмуд взял его первым, пробежал глазами.

— Я возьму балык экмек, — сказал он по-турецки. — И чай.

Мальчик посмотрел на Алису.

— То же самое, — сказала она по-английски, показывая на Махмуда.

Махмуд поднял бровь.

— Вы не хотите попробовать что-то другое?

— Не хочу. Я доверяю вашему выбору.

Он улыбнулся. Коротко. Ждали еду молча. Алиса листала фотографии. Махмуд смотрел на воду.

— Алиса, — сказал он вдруг.

— М?

— Вы когда-нибудь отдыхаете?

— Отдыхаю. Когда сдаю проект.

— А до сдачи?

— Сплю.

Он усмехнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже. — Она убрала телефон. — Послушайте, Махмуд. Я здесь работаю. И ценю ваше приглашение и доверие. Но давайте не будем смешивать.

Он помолчал.

— Хорошо. Не будем.

Принесли рыбу. Алиса ела аккуратно, не торопясь. Махмуд — рядом, но соблюдая дистанцию. Когда они закончили, он вдруг достал из кармана маленький бумажный свёрток.

— Это вам.

Алиса взяла. Развернула. Внутри оказался цветок — маленькая красная гвоздика.

— Просто так, — сказал Махмуд. — Для настроения.

Она посмотрела на цветок. Потом на него.

— Спасибо, — сказала ровно. — Красиво.

Она положила гвоздику на стол рядом с тарелкой. Не воткнула в сумку, не приколотла к блузке. Просто оставила лежать. Махмуд заметил это. Ничего не сказал. Они вернулись в машину и поехали в отель. В холле Алиса заметила мужчину. Высокий. Широкоплечий. В тёмной одежде. Он стоял спиной к ней, разговаривал с портье. Её сердце на секунду сбилось с ритма. Мужчина обернулся. Нет. Другое лицо. Моложе. Никакой щетины. Алиса выдохнула. Прошла мимо, кивнула портье, подошла к лифту. Двери закрылись. Она прислонилась к стене.

«Что за глупость, — подумала она. — Теперь мерещится». Она поднялась в номер. Села за ноутбук. Написала Светке:

«Всё идёт по плану. Работаю. Целую»

Света ответила через минуту:

«Скучаю. Привози сувениры».

Алиса усмехнулась. Закрыла ноутбук.

Перед сном она подошла к окну. Набережная была пуста. Она задернула шторы и легла. Мысли о мужчине в холле — о том, что показался — она отогнала сразу. И заснула быстрее, чем ожидала.

Глава 7.

На грани

Прошло четыре дня.

Алиса работала как заведённая. С утра до вечера — эскизы, расчёты, созвоны с Петербургом. Она набросала три варианта концепции для Балата: консервативный, смелый и промежуточный. Махмуд появлялся каждый день. Вроде по делу, но дел становилось всё меньше.

— Кофе? — спрашивал он, заезжая в отель.

— Да, пожалуйста, — соглашалась Алиса, потому что отказываться было неудобно.

Они пили кофе в холле. Говорили о проекте. Потом о погоде. Потом о книгах.

— Вы читали Орхана Памука? — спросил он однажды.

— Читала. «Стамбул. Город воспоминаний». Понравилось.

— Мой отец дружил с ним. Когда я был маленьким, он приходил к нам в гости.

Алиса не подала виду, но внутри кольнуло любопытство. «Отец. Интересно, какой он?»

— Вы похожи на отца? — спросила она нейтрально.

— Говорят, нет. Он... крупнее. Грубее. Я в мать.

— Она жива?

— Нет. — Махмуд помолчал. — Умерла, при родах. Сердце.

— Сочувствую.

Он кивнул. Не стал развивать тему. Алиса заметила, как он смотрит на неё. Дольше, чем нужно для разговора о работе. Внимательнее, чем требовалось.

— Махмуд, — сказала она. — Эскизы ждут.

Он не стал удерживать.

В пятницу вечером Махмуд пригласил её в ресторан на азиатской стороне Босфора.

— Через мост, — сказал он. — Место особенное. Не пожалеете.

Алиса хотела отказаться — эскизы, сроки, — но внутри что-то щёлкнуло.

«Один вечер, — подумала она. — Ничего не случится».

— Хорошо, — сказала она. — Во сколько?

Ресторан оказался на вершине холма. Вид открывался такой, что перехватывало дыхание. Весь Стамбул — как на ладони. Огни, мосты, вода. Столик на двоих у перил. Махмуд заказал вино. Алиса не отказалась. Они говорили о Балате, о сроках, о команде. Потом Махмуд спросил:

— Алиса, у вас есть кто-то в Петербурге?

— В каком смысле?

— В прямом. Мужчина.

— Нет, — ответила она спокойно. — Только работа.

— И вас это устраивает?

— Вполне.

Он хотел спросить ещё что-то, но Алиса перевела разговор на архитектуру. Махмуд подыграл. Но глаза его говорили другое. Они пили вино. Смотрели на город. Молчали. И в этом молчании было что-то новое — неловкое, но приятное. Махмуд взял её руку.

— Алиса, — сказал он тихо. — Я не могу больше делать вид, что приглашаю вас только ради работы.

Она не убрала руку. Но и не сжала в ответ.

— Махмуд, — сказала она ровно. — Я ценю ваше внимание. Но я здесь не для этого.

— А для чего?

— Я уже сказала. Для работы.

Он отпустил её руку. Откинулся на спинку стула.

— Вы всегда такая закрытая?

— Всегда.

Он посмотрел на неё долго. Потом кивнул.

— Хорошо. Я понял.

Они допили вино в тишине. Махмуд проводил её до номера. У двери ничего не сказал. Лишь простое:

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи.

Она закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. «Правильно, — сказала она себе. — Ни к чему это». Но внутри что-то дрожало. Не сердце — что-то глубже.

Глава 8.

Пустота

После того ужина на азиатской стороне Алиса ожидала, что Махмуд возьмёт паузу. Что хотя бы день или два они будут общаться только по работе — сухо, по электронной почте, на расстоянии. Ошиблась. Он появился на следующее утро в холле отеля ровно в девять. С планшетом в руке, с кофе в подстаканнике — для неё.

— Доброе утро, — сказал, как ни в чём не бывало. — Я принёс свежие обмеры северного участка. Без них ваш эскиз будет неполным.

Алиса взяла кофе. Посмотрела на него.

— Вы могли прислать по почте.

— Мог. — Он пожал плечами. — Но тогда бы я не увидел ваши глаза, когда вы впервые откроете эти файлы. Там такие кривые линии, что вы будете в ужасе.

Она не улыбнулась. Но и не рассердилась.

— Давайте, — сказала она. — Показывайте.

Они сели в углу холла, на диванчике у окна. Махмуд развернул планшет. Алиса склонилась над экраном. Он не врал. Обмеры были ужасны.

— Это что за зигзаги? — спросила она, тыча пальцем в экран.

— Трещины. Основная стена дома номер двенадцать.

— Она может рухнуть.

— Может. Поэтому ваш эскиз должен предложить решение.

Она вздохнула. Провела рукой по лицу — устало, но сосредоточенно.

— Мне нужно это всё пересчитать. Команда занята другим проектом. Придётся самой.

— Я помогу.

— Вы не инженер.

— Я архитектор. И немного разбираюсь в нагрузках.

Алиса посмотрела на него. Хотела отказать. Но в голове уже крутились цифры, углы, коэффициенты. Работа звала громче, чем инстинкт самосохранения.

— Хорошо, — сказала она. — Но никаких отвлечений.

— Никаких.

Они поднялись в её номер.

Это было странно — работать в одном помещении с женщиной, который накануне держал её за руку и говорил тихие слова на грани признания. Алиса села за стол, открыла ноутбук. Махмуд устроился в кресле у окна. Достал свой ноутбук. Сначала они работали молча. Только щёлканье клавиш и шум Босфора за окном. Потом Махмуд спросил:

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

Он сделал звонок в ресторан отеля. Через десять минут принесли кофейник и две чашки. Алиса пила кофе, не отрываясь от расчётов. Махмуд тоже работал. Тишина была плотной, почти осязаемой. Но не давящей. Скорее — привычной, как старая одежда. Через два часа Алиса откинулась на спинку стула.

— Нужен перерыв.

— Я знаю. Вы уже час смотрите на одну цифру.

Она удивилась. Он следил за ней даже тогда, когда делал вид, что работает?

— Вы наблюдательны.

— С вами — да.

Алиса встала, подошла к окну. Босфор сверкал. Чайки кружили над водой.

— Почему вы так стараетесь, Махмуд? — спросила она, не оборачиваясь.

— В каком смысле?

— Вы пригласили меня на конференцию. Предложили проект. Каждый день заезжаете в отель. Приносите кофе. Смотрите на меня так, будто я... — она запнулась, — будто я что-то значу.

— А вы не значите?

Она обернулась. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу. Его светло-карие глаза смотрели спокойно, без нажима. Но в глубине — что-то тёплое, живое.

«Красивый, — подумала Алиса отстранённо. — Правильные черты лица. Хорошо сложен. Волосы с сединой на висках — это придаёт солидности». И — ничего. Ни трепета. Ни бабочек в животе. Ни желания подойти ближе. Просто констатация факта: мужчина красив. И всё.

— Махмуд, — сказала она, возвращаясь к столу. — Вы мне нравитесь. Как коллега. Как партнёр. Как умный и интересный человек.

— Но...

— Но я ничего не чувствую. Прошу прощения.

Он молчал несколько секунд. Потом кивнул.

— Спасибо за честность.

— Вы заслуживаете честности.

Она села за ноутбук, открыла файл с эскизом. Сделала вид, что увлечена работой. Махмуд тоже взял планшет. Но несколько минут не двигался. Просто смотрел в окно. Потом сказал:

— Алиса.

— Да?

— Я не отступлю. Не потому, что я навязчивый. Просто я чувствую, что вы... — он запнулся, подбирая слово, — не такая, какой хотите казаться.

— Какая же?

— Вы притворяетесь холодной. Но я видел, как вы говорили о реконструкции в Петербурге. С какой страстью. Если вы умеете так любить работу, значит, умеете любить и всё остальное.

Алиса подняла голову.

— Вы ошибаетесь. Работа — это другое. Работа никогда не предаст.

— А люди — предают?

— Иногда.

— Я не предам.

Она посмотрела на него долго. Изучающе. Как на чертёж, в котором нужно найти ошибку. Но ошибки не было.

— Дело не в вас, — сказала она мягче. — Дело во мне. У меня сейчас нет места для... этого.

— Для чего — «этого»?

— Для чувств. Для отношений. Для всего, что отвлекает от цели.

Махмуд отложил планшет.

— А если цель уже достигнута? Что тогда?

— Тогда будет новая цель.

Он усмехнулся. Без горечи, скорее с удивлением.

— Вы железная, Алиса Ветрова.

— Нет. Просто уставшая.

Она отвернулась к ноутбуку. Разговор был закончен. До вечера они работали молча. Алиса пересчитала нагрузки, набросала три варианта укрепления стены. Махмуд внёс свои

правки. Их пальцы ни разу не встретились, когда они передавали друг другу планшет. В семь часов он встал.

— Мне пора.

— Хорошо. Спасибо за помощь.

Он надел пиджак, висевший на спинке стула.

— Алиса.

— Да.

— Я всё равно буду пытаться.

— Знаю.

— Это вас не злит?

Она задумалась.

— Нет. Просто... — она посмотрела на него устало, — не тратьте время зря.

— Моё время — мне решать, на что тратить.

Он вышел. Дверь закрылась мягко, без хлопка. Алиса осталась одна в номере. Вечер опускался на Стамбул. За окном зажигались огни. Где-то внизу кричали чайки. Она сидела за столом, но не работала. Смотрела на экран, но не видела цифр. «Он красивый, — снова подумала она. — Умный. Внимательный. Настойчивый, но без пошлости. Идеальный мужчина для любой женщины». Она провела ладонью по лицу. «Почему я ничего не чувствую?». Вопрос повис в воздухе, как тот самый чайный пар, который уже остыл. Алиса встала, подошла к окну. Прижалась лбом к прохладному стеклу. Босфор мерцал. Она ждала — внутри должно было что-то отозваться. Хоть что-то. Искра. Тепло. Желание. Ничего. Пустота. Только усталость. Только цифры в голове. Только эскизы, которые ждут завтрашнего утра.

«Может, я сломалась? — подумала она. — Может, работа выжгла всё, что могло гореть?»

Она не знала ответа. Она вообще много чего не знала.

— Спокойной ночи, Стамбул, — сказала она пустоте.

Задернула шторы. Легла в кровать. Заснула почти сразу, без снов. Без сожалений.

Глава 9.,

Только дело

Следующие три дня слились для Алисы в один бесконечный рабочий марафон. Она просыпалась затемно, ещё до того, как муэдзин начинал свой первый призыв. Кофе — сразу, без завтрака. Ноутбук открывался на коленях, пока она сидела на кровати в халате, потому что ждать, пока загрузится стол, было некогда. Команда в Петербурге работала в своём ритме — с утра до ночи. Алиса была на связи постоянно: то в мессенджере, то по телефону. Олег требовал новые обмеры. Катя жаловалась на цвета. Саша прислал три варианта визуализации, из которых ни один не подходил. Она переделывала. Правила. Переписывала. Снова переделывала. Махмуд приезжал каждый день. Ровно к десяти утра. С кофе. С новыми документами. С вопросами, на которые нужно было отвечать здесь и сейчас. Но Алиса почти не замечала его. Не потому, что он стал невидимкой. Просто её мозг был занят другим — цифрами, углами, коэффициентами запаса прочности. Она сидела в кресле у окна с планшетом в руках, водила пальцем по экрану, чертила линии поверх фотографий фасадов. Её палец двигался быстро, точно, без лишних движений — как у хирурга или ювелира. Махмуд садился напротив. Иногда он что-то говорил. Она отвечала односложно, не поднимая головы. Ему хватало. Он смотрел, как она работает. Это было зрелище, которое стоило того, чтобы приезжать в отель каждое утро. Она не замечала его взглядов — или делала вид, что не замечает. Склонённая голова, нахмуренные брови, тень от ресниц на скулах. Волосы, выбившиеся из пучка, падают на лицо — она машинально убирает их, даже не отрывая пальца от планшета. Махмуд молчал. Просто сидел в кресле напротив, иногда тоже работал — но больше наблюдал. В какой-то момент он

заметил, что она уже два часа не пила воду. Поставил стакан рядом с её планшетом. Она взяла его, не глядя, сделала глоток — и поставила обратно. Даже не сказала спасибо. Он не обиделся. Когда женщина строит, её нельзя отвлекать. Можно только быть рядом. На расстоянии вытянутой руки. И ждать. В обед она наконец оторвалась от планшета.

— Мне нужны исторические чертежи Балата. Те, что до реставрации семидесятых годов.

— У меня есть, — сказал Махмуд. — В офисе. Я привезу завтра.

— Сегодня.

Она посмотрела на него впервые за три часа. В её светло-серых глазах не было ни каприза, ни просьбы. Было требование.

— Сегодня, — повторил он. — Я съезжу, привезу.

— Я с вами.

— Не нужно. Вы устали.

— Я не устала. Я работаю.

Она встала, потянулась — длинная, гибкая, как трость. Хрустнула шеей. Поправила воротник. Махмуд смотрел на её руки. Сильные пальцы, короткие ногти, ни одного колечка. Руки женщины, которая привыкла держать карандаш и компьютерную мышь, а не чьи-то ладони.

— Хорошо, — сказал он. — Поехали.

Они вышли из отеля. Солнце стояло в зените, жара навалилась как стена — влажная, плотная, невыносимая для непривычного человека. Алиса не жаловалась. Села в машину, открыла ноутбук на коленях. Пока ехали до офиса Махмуда — двадцать пять минут в пробках, — она успела ответить на двенадцать писем и написать Олегу три инструкции. Махмуд вёл молча. Только один раз спросил:

— Вы всегда так живёте?

— Как?

— На пределе.

Она подняла глаза от экрана.

— Это не предел. У меня есть второй уровень.

Он не понял, шутит она или нет. И не стал уточнять. Офис Махмуда находился в старом здании на европейской стороне, недалеко от Галатской башни. Высокие потолки, паркет, пахло деревом и старыми чертежами. Он провёл её в архив — маленькую комнату без окон, где на стеллажах лежали папки с документами.

— Вам помочь найти? — спросил он.

— Я сама, спасибо.

Алиса начала перебирать папки. Методично, быстро, без лишних движений. Махмуд стоял в дверях, прислонившись к косяку, и смотрел. Она не спрашивала, где что лежит. Находила сама, потому что система хранения была логичной — год, район, тип здания. Через пятнадцать минут она держала в руках папку с чертежами 1972 года.

— Эти, — сказала она. — И ещё вот эти, за восемьдесят пятый.

— Вы быстро ориентируетесь.

— Я привыкла к порядку.

Она открыла папку, начала листать чертежи. Бумага пожелтела, линии выцвели, но общая картина была ясна.

— Здесь ошибка, — сказала она вдруг.

— Где?

— В старых замерах. Видите? — она показала пальцем. — Расхождение в три сантиметра на стыке двух фасадов. Это значит, что изначально дом строился с погрешностью. Современные обмеры это подтвердят.

Махмуд подошёл ближе. Наклонился, чтобы рассмотреть. Они стояли рядом. Так близко, что он чувствовал запах её духов — лёгкий, цитрусовый, почти неуловимый.

— Вы правы, — сказал он тихо.

Она не отодвинулась. Но и не приблизилась. Просто взяла следующую папку.

— Мне нужно отсканировать эти чертежи.

— У нас есть сканер. Я покажу.

Они вышли из архива. Махмуд провёл её в комнату с техникой. Алиса сама включила сканер, сама разложила листы. Он стоял в стороне. Смотрел, как она работает. Её профиль был чётким, как вырезанным из бумаги. Прямой нос, чуть приподнятый подбородок, губы сжаты в тонкую линию. Ни тени улыбки.

«Красивая, — подумал Махмуд. — И холодная, как сталь».

Но сталь можно нагреть. Он знал это. Вопрос был — хочет ли она, чтобы её нагрели. Алиса закончила со сканером, сложила копии в папку.

— Всё. Я поеду в отель.

— Я отвезу.

— Не нужно. Я возьму такси.

— Я всё равно еду в вашу сторону. — Он взял ключи. — Не спорьте.

Она не стала спорить. Только потому, что так быстрее. В машине она снова уткнулась в ноутбук. Махмуд вёл молча. На светофоре он повернул голову, посмотрел на неё. Она не заметила. За окнами проплывал Стамбул — мечети, рынки, толпы туристов. Алиса ничего этого не видела. Она видела только линии и цифры.

— Алиса, — сказал он.

— М?

— Вы когда-нибудь смотрите по сторонам?

— Смотрю. Когда есть время.

— А когда оно будет?

Она подняла глаза. На секунду. Подумала.

— Не знаю. Возможно, никогда.

Она снова ушла в экран. Махмуд отпустил педаль газа, и машина медленно поплыла в потоке.

«Никогда, — подумал он. — Слишком жёсткое слово для женщины, которой всего двадцать семь». Но вслух ничего не сказал. Он уже понял: с ней нельзя спорить. Можно только доказывать делами. Он и доказывал. Кофе по утрам. Обмеры вовремя. Чертежи из архива. Молчаливое присутствие рядом. Без намёков. Без прикосновений. Без слов. Только дело. Вечером, когда Махмуд уехал, Алиса заказала ужин в номер. Ела, не чувствуя вкуса. Смотрела на чертежи. Правила эскиз. В половине двенадцатого ночи ей позвонила Света.

— Ты жива?

— Жива. Работаю.

— В одиннадцать ночи?

— У меня работы хватает.

Света помолчала.

— А тот турок? Что он?

— Он помогает. Работаем вместе.

— И всё?

— А что ещё?

— Ну не знаю. Он же мужчина. Ты — женщина. Стамбул. Романтика.

— Свет, — Алиса откинулась на спинку стула, — у меня нет времени на романтику. У меня через неделю эскиз. Если мы не успеем, проект уйдёт к конкурентам. Я и так уже отменила второй билет в Питер, до тендера здесь.

— А ему ты нравишься?

— Не знаю. Наверное.

— А тебе он?

Алиса задумалась. Она посмотрела на пустой стакан из-под кофе, на планшет с чертежами, на закрытую штору, за которой шумел Босфор.

— Он красивый, — сказала она осторожно. — Умный. Внимательный.

— И?

— И ничего. Я ничего не чувствую.

— Совсем?

— Совсем. — Алиса провела рукой по лицу. — Со мной что-то не так, Свет?

— С тобой всё так. Ты просто не готова. Или он не твой.

— Может быть.

— Отдыхай. Не убивай себя работой.

— Постараюсь.

Она сбросила звонок. Посидела минуту в тишине. Потом открыла ноутбук и снова ушла в чертежи. Работа была единственным, что не задавало вопросов. Работа была понятной. Предсказуемой. Честной. В отличие от людей. В отличие от Стамбула. В отличие от мужчины со светло-кариими глазами, который каждое утро приносил ей кофе и смотрел так, будто она была не архитектором, а загадкой, которую он обязался разгадать. Алиса покачала головой, прогоня лишние мысли.

— Работа, — сказала она вслух. — Только работа.

И до двух часов ночи сидела над эскизами, пока глаза не начали слипаться.

Глава 10.

Человек за столом

До презентации оставалось четыре дня, и Алиса перестала замечать, где заканчивается она и начинается работа. Она просыпалась с эскизом в голове. Засыпала с расчётами на экране. Ела, не отрывая глаз от планшета. Отвечала на сообщения команды в Петербурге даже в туалете — потому что каждая минута на счету. Махмуд больше не приезжал по утрам. Она сама попросила его не приезжать.

— Мне нужно сосредоточиться, — сказала она вчера вечером, когда он позвонил. — Вы меня отвлекаете.

— Тем, что молчу?

— Тем, что вы есть.

Он помолчал. Потом сказал:

— Хорошо. Я позвоню, когда будут новости.

Она кивнула в трубку и отключилась. Сейчас, сидя за столом в номере, Алиса перелистывала финальную версию эскиза. Три варианта концепции, двадцать семь страниц пояснительной записки, двенадцать таблиц с расчётами. Команда в Петербурге работала круглосуточно. Олег спал по четыре часа. Катя плакала в трубку, но переделывала визуализацию в пятый раз. Саша прислал итоговые чертежи в три часа ночи по московскому — Алиса проверила их за сорок минут и отправила на доработку.

— Если мы выиграем этот проект, — сказала она в общем чате, — каждый получит премию в размере месячного оклада. Если нет — я всё равно её выплачу. Вы это заслужили.

«Ветрова архитекте» в чате молчал. Потом Олег написал:

«Ради тебя, Алис, мы горы свернём. Ты главное не сдохни там»

Она усмехнулась и закрыла чат. На третьи сутки марафона, когда Алиса уже перестала понимать, какой сейчас час и день недели, в мессенджер пришло странное сообщение. Не от Махмуда. Не от команды. От неизвестного номера с турецким кодом.

«Алиса Ветрова, мы видели ваши эскизы. У нас есть лучшее предложение. Ответьте на этот номер, если хотите выиграть тендер без лишних проблем»

Она прочитала сообщение дважды. Потом ещё раз.

— Ловушка, — сказала она вслух пустой комнате. — Классический слив. Конкуренты хотят, чтобы мы либо купились, либо испугались. Она нажала на номер, заблокировала его и удалила сообщение.

Никто в команде не узнал об этом инциденте. Потому что нечего было обсуждать. В её мире существовали только факты, расчёты и проверенные данные. Анонимные сообщения с намёками на «инсайд» были мусором, который не заслуживал даже секунды внимания. Но осадок остался. Тонкий, едва заметный, как пыль на чертёжном столе.

«Кто-то следит за нами, — подумала она. — Кто-то знает, что мы участвуем. И кто-то хочет нам помешать».

Она отогнала мысль. Работа не терпела паранойи. Через день Махмуд приехал в отель. Он выглядел уставшим — под глазами залегли тени, на щеках — небритость. Но кофе принёс. Как всегда.

— Я должен вам кое-что сказать, — начал он без предисловий.

Алиса оторвалась от ноутбука.

— Слушаю.

— В жюри тендера есть человек, от которого зависит девяносто процентов решения.

— Кто?

Махмуд помолчал, подбирая слова.

— Очень влиятельный человек. Его слово — закон. Если он скажет «да», проект наш. Если «нет» — никто не переспорит.

— Я поняла. Что вы предлагаете?

— Быть готовыми ко всему. Он... непредсказуем.

Алиса посмотрела на него внимательно.

— Вы его боитесь?

— Я его уважаю. — Махмуд отвел глаза. — И опасаясь. Это разные вещи.

— Тогда сделаем так, чтобы ему не в чем было нас упрекнуть. — Алиса закрыла ноутбук. — Покажите мне финальную версию презентации. Я хочу проверить каждую цифру.

Махмуд кивнул. Они проработали до вечера, не поднимая головы. Он ни разу не посмотрел на неё как на женщину. Только как на партнёра. И она была благодарна ему за это.

День презентации наступил быстрее, чем Алиса ожидала. Они приехали в конференц-центр за час до начала. Алиса выбрала тёмно-синий костюм — строгий, деловой, без намёка на кокетство. Волосы собраны в гладкий пучок. Макияж — минимум, только чтобы не выглядеть больной. Махмуд был в чёрном костюме при галстуке. Подтянутый, собранный, но Алиса чувствовала: он напряжён. Его плечи чуть приподняты, пальцы сжимают планшет слишком сильно.

— Вы волнуетесь, — сказала она.

— Нет. Я сосредоточен.

— Вы врётё.

Он не ответил. Они вошли в зал. Длинный стол для жюри — десять мест. Ряды для конкурентов. Камеры. Синхронный перевод. В зале было человек сорок. Алиса узнала некоторых архитекторов по прошлой конференции. Кто-то кивнул ей, кто-то сделал вид, что не заметил.

Они сели в первом ряду, слева от трибуны. Махмуд оглядел зал. Потом его взгляд упал на стол жюри — и он замер.

— Алиса, — сказал он шёпотом, — мы уходим.

— Что?

— Мы не участвуем. Пойдёмте.

Он схватил её за локоть. Алиса не двинулась с места.

— Махмуд, вы меня пугаете. Что случилось?

— Потом объясню. Нам нужно уйти. Сейчас.

Он потянул её к выходу. Алиса вырвала руку. Несколько голов повернулись в их сторону.

Кто-то зашептался.

— Я не понимаю вашего настроя, Махмуд, — сказала Алиса громко и холодно. Голосом, который не терпел возражений. — Мы пришли сюда работать. Мы подготовили проект. Мы вложили в него две недели жизни. И вы предлагаете уйти, даже не начав?

Он смотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то — страх? гнев? отчаяние?

— Вы не понимаете, — прошептал он.

— Тогда объясните.

Он не успел. Потому что в этот момент председатель жюри поднялся из-за стола и занял своё место в центре. Мужчина лет пятидесяти пяти. Высокий. Широкоплечий. Тёмный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Лицо в крупных чертах — резкие скулы, тяжёлый подбородок, карие глаза. Лёгкая щетина, которая не старила, а придавала лицу законченность.

Алиса узнала его. Тот самый. Из переулка. С набережной. Который чуть не сбил её тогда, в первую ночь. Который смотрел на неё с балкона. Который ужинал в ресторане на азиатской стороне. Он сидел во главе стола. Председатель жюри. Человек, от которого зависит всё. Мужчина смотрел прямо на неё. Не на Махмуда. На неё. Спокойно. Невозмутимо. Без улыбки. Как тогда, в переулке. Как на набережной. Алиса не отвела взгляд. Её пульс участился. Ладони вспотели. Но голос остался ровным, когда она сказала Махмуду, не поворачивая головы:

— Мы остаёмся. Сядьте.

Махмуд сел. Потому что спорить с ней в этот момент было невозможно. Алиса смотрела на мужчину за столом. Он чуть склонил голову — лёгкий, едва заметный жест. То ли приветствие. То ли вызов. Она не знала его имени. Но теперь знала: он здесь главный. И он смотрел только на неё.

Глава 11.

Победа

Золотистый свет утреннего Стамбула просачивался сквозь высокие окна конференц-зала, ложась длинными прямоугольниками на полированный паркет. Где-то за стенами слышался приглушённый гул города — сигналы машин, крики чаек, далёкий призыв муэдзина, смешивающиеся в единую симфонию мегаполиса, который не спал никогда. Но внутри зала, за тяжёлыми дверями с латунными ручками, стояла напряжённая, почти осязаемая тишина, которую нарушали лишь шорох бумаг, приглушённые кашли и редкие шёпоты участников, рассаживающихся по своим местам. Алиса сидела в первом ряду, слева от центрального прохода. Спина прямая, плечи расправлены, руки спокойно сложены на коленях поверх папки с финальной версией презентации. Она выглядела так, будто пришла сюда не соревноваться, а получать своё по праву. Внутри, однако, всё дрожало мелкой, противной дрожью, которую она подавляла усилием воли, сжимая пальцы в замок и разжимая их снова — незаметно для посторонних глаз. Махмуд сидел рядом. Она чувствовала его присутствие — твёрдое плечо в двух сантиметрах от её, сдержанное дыхание, запах одеколона, который она уже научилась узнавать с закрытыми глазами. Но сегодня от него исходило что-то другое. Что-то тяжёлое, колющее,

почти враждебное. Он не смотрел на неё. Он вообще ни на кого не смотрел — уставился в одну точку где-то впереди, и его профиль казался высеченным из камня. Она хотела спросить, что с ним. Хотела коснуться его руки — просто чтобы вернуть в реальность. Но не сделала ни того, ни другого. Не время. Не место. В зале было человек пятьдесят. Представители семи архитектурных бюро — из Турции, Германии, Италии, ОАЭ. Алиса узнала некоторых по прошлым конференциям: седой немец с вечно недовольным лицом, итальянец в ярком пиджаке, который жестикировал даже сидя на месте. Все они были конкурентами. Все они хотели того же, чего хотела она — победы, контракта, права войти в историю Балата. Но никто из них не вложил в этот проект столько, сколько она. Никто не спал по четыре часа в сутки. Никто не переделывал расчёты семь раз. Никто не плакал в подушку от усталости, чтобы утром встать и снова сесть за чертежи. Она была готова.

Ровно в десять утра из боковой двери вышел ведущий. Мужчина лет сорока, в идеально сидящем сером костюме, с планшетом в руке и приветственной улыбкой на лице, которая выглядела натренированной до автоматизма. Он встал за небольшую трибуну слева от стола жюри, поправил микрофон и окинул зал быстрым, оценивающим взглядом.

— Доброе утро, дамы и господа, — начал он на английском с лёгким британским акцентом. — Рад приветствовать вас на финальной презентации тендера на реконструкцию исторического квартала Балат.

В зале прошелестело — участники поправились на стульях, кто-то откашлялся, кто-то открыл ноутбук. Напряжение, до того почти невидимое, стало плотным, как воздух перед грозой.

— Сегодня семь команд представят свои концепции, — продолжал ведущий. — Каждая из них прошла строгий отбор. Каждая достойна победы. Но победитель будет только один.

Он выдержал паузу — артистичную, рассчитанную на то, чтобы в зале повисла тишина. Алиса невольно задержала дыхание.

— Позвольте представить членов жюри.

Он повернулся к длинному столу, за которым сидели десять человек. Алиса перевела взгляд туда же — и снова увидела его. Он сидел в центре. Не на самом краю, не в торце — в сердцевине, на месте, которое интуитивно воспринималось как главное. Его тёмный пиджак сидел безупречно, белая рубашка без галстука, воротник расстёгнут на одну пуговицу. Лицо спокойное, почти равнодушное. Карие глаза смотрели куда-то сквозь зал, не задерживаясь ни на ком конкретно. Алиса почувствовала, как внутри снова шевельнулось что-то липкое, тёплое, тревожное. Она приказала этому замолчать.

— Профессор Ахмет Йылдыз, глава архитектурного факультета Стамбульского университета, — начал ведущий, указывая на пожилого мужчину с седой бородой. Тот кивнул залу, не улыбувшись.

— Госпожа Элиф Демир, главный архитектор исторического наследия муниципалитета Стамбула.

Женщина лет пятидесяти в строгом чёрном костюме чуть приподняла руку в приветствии.

— Господин Марко Росси, представитель европейского фонда культурного наследия.

Итальянец с густыми бровями и внимательными глазами кивнул, сложив руки на столе. Так перечисляли всех. Имя, фамилия, должность. Каждый из членов жюри на секунду становился центром внимания, каждый получал свою порцию уважительных взглядов.

Потом ведущий дошёл до него.

— И, наконец, — голос ведущего чуть изменился, стал тише, почтительнее, — Кемаль. Только имя. Ни фамилии. Ни должности. Ни титула.

«Кемаль».

Алиса повторила про себя. Кемаль. Коротко. Жёстко. По-турецки — совершенный, законченный. Имя, которое ничего не объясняло, но звучало как приговор. Никто в зале не удивился. Никто не перешепнулся. Никто не спросил «а кто это?». Значит, все знали. Все, кроме неё. Она покосилась на Махмуда. Его лицо исказилось — на секунду, на долю мгновения. Злость? Обида? Нет, что-то другое. Смесь боли и ярости, тщательно сдерживаемая, но прорывающаяся наружу в напряжённых желваках и побелевших костяшках пальцев, сжимающих подлокотник кресла. Алиса не поняла. Она вообще перестала что-либо понимать.

«Потом разберусь, — сказала она себе. — Сначала презентация». Каждый член жюри произнёс короткое напутственное слово. Профессор Ыылдыз пожелал участникам честной конкуренции и напомнил об ответственности перед историей. Госпожа Демир сказала, что жюри будет беспристрастным, и попросила не выходить за регламент. Марко Росси добавил, что европейский фонд ждёт от победителя не только красоты, но и функциональности. Потом слово взял Кемаль. Он не встал. Не улыбнулся. Даже не посмотрел в зал. Взял со стола тонкий кожаный блокнот, открыл его — неторопливо, словно время не имело над ним власти — и сказал, не повышая голоса:

— Не будем терять времени.

Четыре слова. Спокойным, ровным тоном, без эмоций, без интонации. Как констатацию факта. И снова уставился в блокнот, перелистнув страницу. В зале стало тише, чем было. Кто-то сплотнул. Кто-то опустил глаза. Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха — от странного, неуместного восхищения. Этот человек не нуждался в представлении. Не нуждался в напутствиях. Он просто был здесь — и этого хватало, чтобы все остальные стали чуть меньше, чуть тише, чуть осторожнее. Она заставила себя отвести взгляд. Повернулась к Махмуду. Он сидел с закрытыми глазами. Губы сжаты в нитку, ноздри чуть раздуваются — дышал часто и неглубоко, как человек, который пытается справиться с приступом паники или гнева.

— Махмуд, — прошептала она. — Вы в порядке?

Он не ответил. Даже не пошевелился. Алиса отвернулась. «Не до него, — подумала она. — Сначала дело».

Презентации начались. Первыми выступали итальянцы — шумно, ярко, с десятками слайдов и пафосными речами о величии Рима и Стамбула, двух столицах мира. Алиса слушала вполуха, делала пометки в планшете — их концепция была красивой, но пустой. Форма без содержания. Немцы вышли следом. Сухо, чётко, по-инженерному. Цифры, графики, экономические обоснования. Ни одного лишнего слова, ни одной эмоции. Профессионально, но без души. Потом была команда из ОАЭ — они предложили невероятно дорогой проект со стеклянными вставками в исторические фасады. Алиса мысленно зачеркнула их ещё до того, как ведущий объявил перерыв. В перерыве Махмуд встал и вышел из зала, не сказав ни слова. Она смотрела ему вслед — широкая спина, напряжённые плечи, быстрый шаг человека, который убегает от чего-то, от чего убежать невозможно. Алиса осталась одна. Она сидела, сжимая в руках флешку с презентацией, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Не от страха. От ответственности. От осознания того, что следующие сорок минут её жизни решат больше, чем годы учёбы и работы.

«Ты готова, — сказала она себе. — Ты всегда готова».

Она взяла телефон, написала в чат команды: *«Выхожу через пятнадцать минут. Держите кулаки»*.

Олег ответил: *«Ты лучшая. Разорви их»*.

Катя: *«Мы верим в тебя»*.

Саша: *«Сделай больно»*.

Алиса убрала телефон. Выдохнула. Встала. Махмуд не вернулся. Она пошла к трибуне одна.

— Слово предоставляется архитектурному бюро «Ветрова Архитектс» и компании «MDF Architectural Bureau», — объявил ведущий.

Алиса поднялась на сцену. Встала за трибуну. Поправила микрофон — жест, который она делала сотни раз на десятках конференций, но сегодня он показался ей чужим, непривычным. Она подняла глаза на зал. Пятьдесят пар глаз смотрели на неё. Конкуренты — с любопытством, смешанным с неприязнью. Жюри — с профессиональным безразличием. Кемаль смотрел на неё из-под полуопущенных век. Не отрываясь. Не моргая. Алиса выдержала его взгляд. Две секунды. Три. Потом перевела глаза на остальных членов жюри.

— Доброе утро, — сказала она ровным, спокойным голосом. — Меня зовут Алиса Ветрова. Я представляю команду из Санкт-Петербурга и моих турецких коллег. Наш проект называется «Балат: дыхание времени».

Она щёлкнула пультом. На экране за спиной появились фотографии квартала — те самые, которые она сделала в первый день. Облупившаяся краска. Трещины на стенах. Дети, играющие в пыльных переулках. Старуха в платке, сидящая у порога.

— Большинство проектов, которые вы сегодня увидели, — продолжала Алиса, — предполагают превратить Балат в музей под открытым небом. Красивый. Стерильный. Мёртвый.

Она щёлкнула снова.

— Мы предлагаем другое.

На экране появились эскизы — первые наброски. Грубые, неотёсанные, но живые.

— Мы не хотим выселять людей из их домов. Мы хотим дать им возможность остаться. В новых квартирах, с горячей водой и канализацией. В домах, которые не рухнут завтра под тяжестью времени. Она говорила сорок две минуты. Без бумажки. Без запинок. Цифры. Чертёжи. Графики. Фотографии до и после — те, что они смоделировали с Катей в бессонные ночи. Она рассказывала о трещинах в стене дома номер двенадцать и о том, как их можно укрепить, не разрушая историческую кладку. О платанах, которые дадут тень детской площадке. О мастерских, где старые ремесленники смогут учить молодых. Она не смотрела на Кемалья. Только на экран, на слайды, на цифры. Но краем глаза видела: он не отрываясь смотрит на неё. Когда она закончила, зал молчал. Ни аплодисментов. Ни вопросов. Только тишина — густая, плотная, почти физически ощутимая. Алиса выдохнула.

— Спасибо за внимание, — сказала она.

И вернулась на своё место. Махмуд не пришёл.

Жюри совещалось сорок минут. Сорок минут, которые растянулись в вечность. Алиса сидела в кресле, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку на противоположной стене. Она не позволяла себе думать ни о чём, кроме работы. Не о Махмуде, который исчез. Не о Кемале, который смотрел. Не о странном сообщении от неизвестного номера. Только о том, что она сделала всё возможное. И даже больше. В зале шушукались. Конкуренты переглядывались. Итальянец нервно крутил ручку. Немец что-то строчил в блокноте. Только Алиса сидела неподвижно, как изваяние. Наконец ведущий снова вышел на сцену. В руке у него был запечатанный конверт.

— Дамы и господа, — сказал он, — жюри приняло решение.

Алиса замерла. Ведущий вскрыл конверт. Достал лист бумаги. Развернул.

— Победителем тендера на реконструкцию исторического квартала Балат становится...

Пауза. Алиса перестала дышать.

— Архитектурное бюро «Ветрова Архитектс» и компания «MDF Architectural Bureau».

По залу пронёсся вздох. Кто-то захлопал — неуверенно, вразнобой. Алиса не двигалась. Всё. Победа. Она встала. Поправила пиджак. Подошла к сцене, чтобы получить сертификат победителя. Руки не дрожали. Голос не дрожал, когда она сказала:

— Благодарю жюри за доверие. Благодарю мою команду в Петербурге и моих турецких коллег. Мы не подведём. Она обвела глазами зал. Махмуда не было. Его кресло пустовало. Никто не заметил. Никто, кроме неё.

После церемонии к Алисе подходили, поздравляли, жали руку. Профессор Йылдыз сказал, что её подход к исторической кладке достоин диссертации. Госпожа Демир поинтересовалась, не хочет ли она прочитать лекцию в муниципалитете. Марко Росси оставил визитку. Алиса отвечала вежливо, механически. Улыбалась. Кивала. Обещала. Все эти люди были важны. Но она искала взглядом одного. Кемаль исчез. Так же незаметно, как появился. Его место за столом жюри пустовало. Когда толпа поредела, к ней подошёл ведущий. Неофициально. Без микрофона. Просто подошёл и встал рядом.

— Алиса Ветрова?

— Да.

— Поздравляю с победой. Впечатляющая презентация.

— Спасибо.

— У меня к вам личное приглашение. — Он говорил тихо, почти шёпотом, чтобы никто не слышал. — От организаторов. Завтра вечером закрытое мероприятие для победителей тендера. Вас ждут.

Алиса нахмурилась.

— Какое мероприятие?

— Ужин. Неформальное общение с членами жюри и инвесторами. Обычная практика.

— Хорошо. Я приду. А второй пригласительный для моего партнёра, Махмуда Дениз?

Ведущий на секунду замялся. Совсем коротко — на долю мгновения. Но Алиса заметила.

— Ему уже отправили, — сказал он ровно. — Отдельно.

— Отдельно?

— Да. — Ведущий улыбнулся той же тренированной улыбкой, что и утром. — У каждого победителя своё приглашение. До завтра, Алиса. Он кивнул и отошёл к выходу. Алиса осталась стоять посреди пустующего зала.

«Ему уже отправили», — повторила она мысленно. — «Отдельно». Почему отдельно? Почему не вместе? Почему ведущий замялся? И главное — где Махмуд? И почему он не рад победе? Почему хотел уйти, даже не начав? Вопросов было больше, чем ответов. Алиса взяла сумку, папку с документами и вышла из конференц-зала. В коридоре было пусто. Только охранник у лифта и далёкое эхо шагов. Она нажала кнопку вызова. Двери открылись. В лифте никого не было. Алиса вошла, прислонилась спиной к зеркальной стене и закрыла глаза.

Победа. Она победила. Но почему-то на душе было не празднично, а тревожно. Словно она выиграла битву, но проиграла что-то более важное. Что-то, о чём даже не догадывалась. Лифт поехал вниз. Алиса открыла глаза, посмотрела в своё отражение. Бледная. Уставшая. Но спокойная.

— Ты справилась, — сказала она себе.

Отражение не ответило. Только в глазах — у неё и у отражения — застыл один и тот же немой вопрос:

«Что будет завтра?»

Глава 12.

Голос из тени

Чёрный автомобиль подъехал к отелю ровно в семь тридцать вечера. Алиса ждала у входа, стоя под козырьком из матового стекла. На ней было тёмно-зелёное платье до колена — строгое, с длинным рукавом, без выреза. Волосы распущены, но убраны за уши. Макияж — только

тушь и прозрачный блеск. Она не хотела выглядеть так, будто старается. Но и не могла позволить себе выглядеть небрежно. Это был не простой ужин. Она это чувствовала по тому, как ведущий замялся, когда она спросила про приглашение для Махмуда. По тому, как водитель не назвал пункт назначения. По тому, как всё вокруг было окутано плотной, почти осязаемой тайной. Водитель — мужчина лет пятидесяти, в чёрной форме без опознавательных знаков — молча открыл дверь. Алиса села на заднее сиденье. Кожа пахла дорогим кондиционером, в подстаканнике стояла бутылка воды без этикетки. Никаких документов, никаких визиток. Ничего, что могло бы указать на владельца.

— Куда мы едем? — спросила она.

Водитель не ответил. Просто включил зажигание, и машина бесшумно отъехала от тротуара. Алиса не стала переспрашивать. Она уже поняла: здесь не принято задавать вопросы, на которые не хотят отвечать. Она пристегнулась, положила сумку на колени и уставилась в окно. Стамбул проплывал мимо — сначала знакомые улицы района Бейоглу, потом мост через Золотой Рог, потом азиатская сторона, где она ещё не была. Дома становились ниже, улицы — шире, зелени — больше. Фонари встречались всё реже, тьма сгущалась. Они ехали около сорока минут. Алиса уже начала терять ориентацию в пространстве, когда машина свернула с основной дороги на узкую аллею, обсаженную старыми платанами. Деревья смыкали кроны над головой, создавая зелёный туннель, в котором даже днём, наверное, царил полумрак. Фонарей не было — только фары автомобиля выхватывали из темноты стволы, покрытые мхом, и листья, которые шевелились от ветра, но не было слышно ни звука — стекла были подняты, и салон оставался абсолютно тихим. Дорога закончилась тяжёлыми коваными воротами. Чёрными, с затейливым узором из виноградной лозы и каких-то птиц, похожих на орлов. Водитель коротко дважды просигналил — условный сигнал, короткий и низкий, как удар в барабан. Ворота разъехались в стороны беззвучно, как по маслу, словно их открывала невидимая рука. За ними открылась подъездная аллея, посыпанная мелким гравием, который хрустел под колёсами, но внутри автомобиля это было почти не слышно. Вдоль аллеи — старые кипарисы, чёрные свечи на фоне тёмно-синего неба. Где-то вдалеке ухал филин — или показалось.

Машина остановилась у крыльца особняка. Особняк был старым, но не ветхим. Османская архитектура — массивный камень, резные детали на фасаде, высокие узкие окна — сочеталась с явными следами современной реставрации. Нигде ни царапины, ни пятна. Всё вычищено, выверено, идеально. Как музейный экспонат, в котором, однако, живут. Чувствовалось, что хозяин этого дома — человек, привыкший к порядку, к тишине, к тому, чтобы всё было на своих местах и никаких исключений. Водитель открыл дверь. Алиса вышла, поправила платье — на секунду прижав ладони к бёдрам, чтобы убрать невидимые складки, — и направилась к входу. Дверь отворилась прежде, чем она успела постучать. На пороге стоял мужчина в безупречном чёрном костюме, с седыми висками и лицом, не выражающим ничего. Дворецкий. Или охранник. Или и то и другое. Его глаза скользнули по её фигуре — не оценивая, скорее проверяя, нет ли при себе чего-то запрещённого, — и остановились на её лице.

— Госпожа Ветрова? — спросил он на английском с лёгким акцентом, в котором угадывалось что-то французское или итальянское.

— Да.

— Проходите. Хозяин будет через пятнадцать минут.

Он посторонился, пропуская её внутрь. Алиса шагнула через порог. Имя не назвал. Должность не назвал. Ни слова о том, кто этот хозяин, зачем он её пригласил, почему водитель не ответил ни на один вопрос. Холл особняка был огромным — с мраморным полом, колоннами и лестницей, уходящей на второй этаж, теряющейся в полумраке. Стены — тёмного дерева, увешаны картинами в массивных рамах. Света было мало — несколько бра по бокам, дающих жёлтый, маслянистый свет, и люстра под потолком, но она горела вполне, созда-

вая атмосферу полумрака, в котором каждый предмет казался больше, таинственнее, чем был на самом деле.

— Вас проведут, — сказал дворецкий и жестом указал на молодую женщину в строгом чёрном платье, появившуюся из боковой двери.

Та бесшумно, почти скользя, пошла вперёд. Алиса за ней. Её провели в комнату, которая, видимо, служила приёмным залом. Она была меньше холла, но не менее величественной. Высокие окна в пол выходили на Босфор — сейчас, в сумерках, вода казалась чёрной, непроглядной, а огни европейского берега — россыпью драгоценных камней, разбросанных по бархатной скатерти. Где-то на середине пролива проплыл маленький буксир, его зелёный и красный огоньки медленно перемещались справа налево, как две блуждающие звезды. Посередине комнаты стояли два кожаных дивана — тёмно-бордовые, с низкими спинками, — и низкий столик из тёмного дерева, покрытый лаком, в котором отражался слабый свет бра. На столике — графин с водой, два стакана и тарелка с оливками, уложенными ровными кругами. Ничего лишнего. Ни цветов, ни фруктов, ни салфеток с вышивкой. Только необходимое. Алиса не села. Она чувствовала себя странно — не неудобно, но настороженно. Как зверь, который зашёл на чужую территорию и пока не понял, кто здесь хозяин и чего от него ждать. Дворецкий сказал «хозяин будет через пятнадцать минут» — и это всё. Никто не представился. Никто не объяснил, зачем её привезли в этот дом, в эту часть Стамбула, которую она не знала, в этот особняк, который выглядел так, будто время здесь остановилось в середине прошлого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.